

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРИНЦИПЫ КОНСТИТУЦИИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗЛИЧЕНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ**

*канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ
(Полоцкий государственный университет)*

(Продолжение. Начало в № 13)

По мнению Ю. А. Юдина и В. Е. Чиркина, «конституционные принципы, с учетом их характера, можно разделить на три основные группы: универсальные, особенные и единичные» [1, с. 59]. По этой классификации в качестве *универсальных* усматривают народный суверенитет, правовое государство, гарантированность прав и свобод человека, политический плюрализм, социальную ориентированность рыночной экономики. Группу *особенных* конституционных принципов составляют те, которые закрепляются основными законами отдельных государств или присущи определенной конституционной модели (например, принцип африканского единства провозглашается конституциями ряда государств Африки). Наконец, есть принципы, характерные лишь для отдельных конституций и отражающие национальную специфику конкретной страны. Скажем, итоги 2-й мировой войны привели к тому, что в Конституциях Италии и Японии закрепляется такой важнейший принцип внешней политики государства, как отказ от войны (в ст. 11 Конституции Италии говорится: «Италия отвергает войну как посягательство на свободу других народов и как способ разрешения международных споров» [2, с. 245], а Глава II Конституции Японии так и называется – «Отказ от войны» [2, с. 443]). Рассмотренные конституционные принципы называют единичными. Хотя, с нашей точки зрения, если они применимы в конституционной практике более чем одного государства, такое название не совсем точно отражает суть вещей. Более уместным примером может служить группа конституционных принципов в религиозной области, определяющих статус Горы Афон по Основному Закону Греции. Безусловно, специфичными и единичными являются следующие положения, содержащиеся в ст. 105 Основного Закона: «Афонский полуостров, от Мегали Вилга и выше, образующий район Святой Горы, составляет со своим древним привилегированным положением самоуправляющуюся часть Греческого государства, сохраняющего в неприкосновенности свой суверенитет над этой территорией»; «На ее территории [Святой Горы] запрещено поселение иноверцев или раскольников»; «Все лица, ведущие там монашескую жизнь, приобретают греческое гражданство, как только они допускаются в качестве послушников или монахов, без каких-либо формальностей» [2, с. 420].

Применительно к Республике Беларусь можно сказать, что подавляющее большинство конституционных принципов Основного Закона относятся к универсальным, т.е. выработанным мировой цивилизацией к концу XX в. и присущих современным конституциям. К особенным, пожалуй, следует отнести положение о том, что «Республика Беларусь ставит целью сделать свою территорию безъядерной зоной, а государство – нейтральным» (ст. 18 Конституции Беларуси). Мы полагаем, что в данном случае речь идет именно о конституционных принципах, а не о неких декларациях. Более того, это – принципы Основного Закона, получившие четкое текстуальное выражение в самом акте.

Принципы Конституции должны неукоснительно претворяться в реальной жизни, иначе Основной Закон рискует стать фиктивным. Как обстоит дело с заявленными принципами о «безъядерности» и «нейтральности» на практике? Ситуация неоднозначна. С нашей точки зрения, данная норма-принцип о безъядерности подлежит буквальному толкованию, что исключает дискуссию о «мирном» либо «военном» атоме. «Безъядерная зона» – значит свободная от любых ядерных объектов. В то же время Национальное собрание принимает в 2008 году Закон «Об использовании атомной энергии», Конституционный Суд своим решением признает его непротиворечащим Основному Закону в порядке предварительного контроля, а Президент – подписывает. Сомнительная с точки зрения конституционности практика. Теперь о принципе «нейтралитета». На территории Беларуси всегда находились военные базы соседнего государства – России, вопрос об их выводе не поднимался (на 2014 год), поэтому данный принцип на практике не реализуется.

Возвращаясь к вопросу о критериях классификации конституционных принципов, обратим внимание на позицию Н.А. Богдановой [3, с. 176–178]. Она полагает, что ряд принципов складывается в сфере взаимоотношений государства и общества и определяет источник государственной власти, ее принадлежность и основные формы осуществления. Не менее важная группа принципов складывается в сфере взаимоотношений государства и личности и определяет правовое положение человека и гражданина в обществе и государстве. Отдельно выделяется группа принципов в сфере взаимоотношений государства и народов, народностей, населяющих соответствующую страну (особенно это актуально для фе-

деративных государств, а также имеющих в своем составе разного вида автономии). Самостоятельная группа принципов определяет основы организации государственной власти (как по вертикали, так и по горизонтали). Обособливаются принципы, отражающие тип социально-экономической системы конкретного государства и определяющие модель государственного участия в экономической жизни общества (либеральная, этатистская, либерально-этатистская модели). Заметим, что Н.А. Богданова оставляет свой классификационный перечень открытым с оговоркой: «Существуют и другие принципы конституционного строя. Все они получают правовое оформление и играют особую роль в систематизации конституционно-правового знания» [3, с. 178]. Вероятно, были указаны некие базовые принципы.

В этой связи отметим следующее. Проблема разграничения принципов на основные и неосновные, руководящие и второстепенные, широкие и узкие всегда была актуальной в юридической литературе. Не решена она и по сей день. Например, В. Н. Карташов пишет: «Общепризнанные принципы международного права, а также общие принципы Европейского Союза имеют приоритет над принципами национального права. К сожалению, данный аспект проблемы еще слабо исследован в юриспруденции» [4, с. 83]. В данном случае речь идет, надо полагать, о субординационных связях между одной из категорий принципов международного права и конституционными принципами конкретной правовой системы (Б.Р. Тузмухамедова «Международное право в конституционной юрисдикции» [5]).

Оригинальная трактовка проблемы представлена А. Ф. Черданцевым: «Если рассматривать принципы права как основные руководящие идеи, начала, то деление принципов на основные и неосновные необоснованно. Можно, очевидно, говорить о принципах более общих, широких по объему, и более узких. Первые рассчитаны на более широкий круг отношений и субъектов, вторые – на узкий (например, принцип равенства мужчины и женщины). Если первые принципы развиваются и конкретизируются в других более узких по объему принципах, то вторые – в более детальных нормах, которые уже, как правило, не называются принципами» [6, с. 62]. Возможно, по мнению ученого, выделение доминирующих принципов, что имеет непосредственное отношение к нашей теме.

Можно ли говорить о том, что среди общеправовых конституционных принципов некие из них претендуют на главенствующую, доминирующую роль? Оказывается, и среди маститых ученых точки зрения разнополярны. Впрочем, не будем забывать о том, что выделение тех или иных конституционных принципов в качестве руководящих идей в определенной мере носит оценочный характер (см. подробнее В.М. Ведяхин, К.В. Ведяхина [7, с. 23–25]).

Развивая свои «антитоталитарные» воззрения, М.В. Баглай приходит к выводу, что «гуманизм – своеобразный суперпринцип всего конституционного строя. ...не человек создан для государства, а государство для человека – таков теперь главный принцип их отношений. ...Выражение «высшая ценность» – это не юридическая, а нравственная категория. ...Все главы Конституции... подчинены этому суперпринципу [гуманизма], раскрывают и детализируют его» [8, с. 100–101]. Во многом с такой постановкой проблемы согласен И.И. Пляхимович: «Принцип приоритета интересов человека (принцип гуманизма) выражается во всех конституционно-правовых институтах... Исходя из требования гарантировать права личности строится весь государственный механизм» [9, с. 103]. Однако заметим, что принцип гуманизма и принцип приоритета интересов индивида – вещи во многом несовпадающие.

Иной подход предлагает В.Д. Зорькин: «... принцип правового государства, объединяющий в себе нормативные и институциональные начала конституционного правопорядка, в силу своего всеобъемлющего характера имеет наиболее фундаментальное, основополагающее в системе принципов, определяющих основы конституционного строя Российской Федерации» [10, с. 113]. К числу существенных признаков правового государства автор относит верховенство права, народовластие и разделение властей.

По мнению Б.С. Эбзеева, важнейший конституционный принцип связан с идеей демократического государства: «Несомненно, однако, что именно этот принцип занимает доминирующее положение во всей системе принципов, составляющих основы конституционного строя Российской Федерации, а во многом носит и универсальный характер, поскольку в большей или меньшей степени охватывает своим содержанием все иные принципы и присутствует в каждом положении Конституции» [11, с. 368]. Уточним, что Б.С. Эбзеев ведет речь о демократическом политическом режиме как явлении государственной жизни, рациональной организации политического процесса. Нельзя обойти вниманием замечание В.Д. Зорькина: «В качестве основополагающего принципа обычно называют принцип демократического государства. Однако демократия может быть и неправовой (нелиберальной), т.е. не признающей права меньшинства, конкуренцию и плюрализм, как, например, демократия большевистского типа. Поэтому, когда говорят о правовом демократическом государстве, то речь идет об особом типе демократического государства, а именно о либерально-демократическом государстве, основанном на верховенстве (господстве) права как универсальной нормы формальной свободы, на признании неотчуждаемых прав и свобод человека» [10, с. 113]. Такая позиция не может быть воспринята однозначно. Во-первых, в настоящее время не может быть неправовой демократии. Во-вторых, нельзя ставить знак равенства между правовым и либеральным. В-третьих, никто никогда не называл большевистский режим демократией (кроме самих большевиков).

Завершая разговор о классификации конституционных принципов, обратим особое внимание на те из них, которые имеют непосредственное отношение к правовой системе Беларуси. В зависимости от того, какую основу системы права в целом либо ее нормативно-правовых элементов (институтов, отраслей, подотраслей) составляют эти принципы, их можно подразделить на следующие группы.

1. Конституционные принципы, содержательно «перекликающиеся» с общепризнанными принципами международного права. Последние можно отнести ко всеобщим, универсальным, исходным руководящим идеям, имеющим решающее воздействие на все сферы общественной и государственной жизни большинства стран мира. Они закреплены во Всеобщей Декларации прав человека 1948 г., Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Уставе ООН и других международных правовых актах.

Общепризнанные (во французской юридической литературе их называют общими) принципы права являются частью существующего юридического порядка. В то же время их закрепление произошло сравнительно недавно. По мнению Ж.-Л. Бержеля, «впервые они появились в системе международного публичного права во времена Сообщества Наций; ст. 38 Устава Международного Суда, приложенного к Хартии ООН, признает в качестве источника права «общие принципы права, признанные цивилизованными народами». То есть мы можем предположить, что речь идет о принципах, действующих во всех правовых системах» [12, с. 157].

В ст. 8 Конституции Беларуси говорится: «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства». Какие же из этих принципов нашли отражение в Основном Законе нашей страны? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо констатировать тот факт, что в теории и на практике до сих пор не определен перечень и содержание «общепризнанных принципов» международного права. По мнению А.И. Зыбайло, «отсутствие единства в воззрениях на определение понятия «общепризнанные принципы международного права» привело не только к трудностям в оценке соответствия национального законодательства общепризнанным принципам международного права, но и к различному пониманию соотношения международного и национального права в Республике Беларусь» [13, с. 52]. Заметим, что ст. 8 Конституции провозглашает лишь приоритет общепризнанных принципов, но не норм международного права, что не вполне соответствует современной европейской традиции (о сходных проблемах см. также А.Н. Талалаев [14–16], В.А. Толстик [17]).

С нашей точки зрения, конституционные принципы рассматриваемой группы содержатся в ст. 18 Конституции Беларуси, где говорится о равенстве государств, неприменении силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирном урегулировании споров, невмешательстве во внутренние дела других государств. Сюда можно отнести и принцип гуманизма (ст. 2 Основного Закона), который предопределяет развитие всего современного международного права.

2. Во вторую группу можно отнести конституционные принципы, отражающие особенности той или иной правовой семьи. В настоящее время Беларусь (после развала системы социализма и соответствующего ей права) по основным параметрам развивается в русле романо-германской традиции. Для нее характерны такие общие принципы, как: следование социальной справедливости; различие права и закона (особенно характерно для Франции и ФРГ); подчинение судей закону; верховенство конституции и установление контроля за конституционностью законов. Последнее из перечисленных положений отражает устойчиво складывающуюся тенденцию. Оценивая развитие государств романо-германской правовой семьи во второй половине XX в. Р. Давид отмечал, что «в наши дни существует отчетливое стремление повысить ценность конституционных норм, усилив их практическое значение как норм, стоящих над обыкновенными законами» [18, с. 79].

В Беларуси к таким конституционным принципам можно отнести следующие: «Государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства» (ч. 2 ст. 7 Основного Закона); «Судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только закону» (ч. 1 ст. 110 Основного Закона).

3. Большинство конституционных принципов имеют общий характер, поскольку действуют в рамках всей системы права и распространяют свою юридическую силу на основные разновидности юридической практики (нормотворчество, правоприменение, толкование).

Центральным и универсальным следует признать принцип законности, под которым в Беларуси понимается требование строгого соблюдения Конституции и основанных на ней актов законодательства (ст. 7 Основного Закона). В европейских странах трактовка принципа законности иная, где важнейшим императивом является верховенство закона (акта, принятого парламентом) над другими правовыми актами. В Беларуси законы не обладают верховенством в отношении актов Главы государства.

Конституционный принцип юридического равенства как одно из фундаментальных начал правовой системы нашел отражение во многих положениях Основного Закона: а) равенство при осуществлении хозяйственной и иной деятельности (ст. 13); б) равенство перед законом социальных, национальных и других общностей (ст. 14); в) равенство перед законом религий и вероисповеданий (ст. 16); г) равенство всех перед законом (ст. 22); д) равенство в избирательном праве (ст. 66); е) равенство сторон в процессе осуществления правосудия (ст. 115).

Сущность конституционного принципа демократизма предполагает участие населения в решении важнейших общественных и государственных проблем, принятие решений по принципу большинства, максимальный учет обязательного мнения при определении государственной политики. Этот принцип нашел отражение в ст.ст. 3, 4, 13, 37, 38 Конституции Беларуси. Принцип демократизма лежит в основе идеи народовластия, чему придает особое значение Всеобщая Декларация прав человека 1948 г. В ст. 21 отмечается, что каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через свободно избранных представителей, воля народа должна быть основой власти правительства, эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобъемлющем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования.

К числу всеобщих конституционных принципов можно отнести принцип гуманизма, справедливости, гласности, неприкосновенности личности, ответственности субъекта за виновные деяния. Указанные конституционные принципы признают все отрасли права и основные типы юридической практики в правовой системе белорусского общества.

4. Обозначены в Основном Законе и межотраслевые конституционные принципы, выражающие общие фундаментальные положения некоторых отраслей права. Например, принципы состязательности и равенства сторон (ст. 115 Конституции Беларуси) характерны для всех видов судопроизводств. (Об этой сфере см. вкратце В.И. Власова [19]).

5. Некоторые конституционные принципы носят отраслевой характер (например, регулирование брачно-семейных отношений в Беларуси осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равноправия супругов в семье и иными началами, предусмотренными ст. 32 Основного Закона). Как пишет А. Медушевский, «...конституция должна собрать воедино и обобщить на высоком уровне абстракции фундаментальные нормы (имеются в виду принципы – А. П.) различных отраслей права. [...] Конституция, следовательно, является актом, обобщающим на самом высоком уровне различные правовые принципы (светскость и свобода совести, индивидуальная свобода и публичный интерес, коллективные и личные права), но вместе с тем кристаллизующим их противоречия» [20, с. 20-21]. Это очень важное наблюдение. Автор в своей работе последовательно доказывает, что теоретическая возможность конституционных конфликтов заложена в самой природе основного закона, построенного на противоречивых принципах, а выходом из ситуации видит определение порядка сосуществования противоречивых принципов, нахождение компромисса меняющегося соотношения общественных интересов и индивидуальных прав. Поэтому, с нашей точки зрения, именно конституционные суды должны выступать как инструмент разрешения конституционных конфликтов, а в их компетенцию должно входить определение соответствия всех отраслевых принципов общеправовым положениям (идеям) основного закона.

6. Отметим существование конституционных принципов подотраслевого характера. Например, в основе избирательного права, которое является подотраслью конституционного права, лежит принцип всеобщего, равного и прямого избирательного права при свободном волеизъявлении и тайном голосовании (Раздел III Конституции Беларуси). Конституционный принцип о праве наследования собственности (ч. 2 ст. 44 Конституции Беларуси) имеет непосредственное отношение к наследственному праву, которое является подотраслью гражданского права.

7. Конституционные принципы могут быть и межинституционального характера. Они свойственны двум и более институтам права, но не поднялись до уровня отраслевых принципов. Например, принцип гарантированности оплаты труда (ст. 42 Конституции Беларусь) действует в основном в институтах заработной платы, трудового договора и материальной ответственности в трудовом праве Республики Беларусь.

8. В текст Основного Закона включаются и те принципы, которые отражают природу конкретных правовых институтов. Так, ст. 39 Конституции Беларуси закрепляет принцип равного доступа к государственной службе, профессионализма и компетентности государственных служащих, а ст. 36 говорит о внепартийности отдельных категорий государственных служащих. В ст. 44 нашел конституционное закрепление институт «злоупотребления правом», вернее – принцип его недопустимости.

Рассматривая проблему соотношения конституционных принципов-идей (руководящих начал, основ) и конституционных норм-принципов, подчеркнем общее и особенное между ними. Конституционные принципы и принципы конституции имеют обязательную силу, они определяют содержание всех норм системы права, но в отличие от норм-принципов, конституционные принципы могут быть и не закреплены в тексте основного закона. Как нормативные обобщения, «они выводятся из содержания конкретных норм. Одни и те же конституционно-правовые принципы могут быть закреплены в конституционных актах непосредственно, а могут быть результатом логического вывода из совокупности конкретных юридических норм. В любом случае они не тождественны нормам права, которые реальны лишь при условии непосредственного нормативного закрепления» [9, с. 84]. Поэтому допустима ситуация, при которой конституционные принципы напрямую (текстуально) не отражаются в основном законе. В частно-

сти, непосредственно не отражены в Конституции Беларуси, но выводятся из систематического толкования ее норм принципы «суверенности» и «светскости» нашего государства, имеющие важнейшее отношение к основам конституционного строя. Рассмотрим предложенные примеры детально.

Конституция Беларуси дословно не воспроизводит принцип государственного суверенитета, но о нем говорится в разных частях Основного Закона (ст. 1, 8, 9, 18, 19, 79 Конституции Беларуси). Однако это устоявшееся понятие, смысл которого не меняется в зависимости от толкования Основного Закона. Под ним понимается свойство государства самостоятельно и независимо от других государств осуществлять необходимые функции на своей территории и за ее пределами, в международном общении.

Такой подход (отсутствие прямого указания на принцип суверенности) не характерен для бывших советских республик. Большинство из них (Армения, Грузия, Кыргызстан, Молдова, Россия, Украина, Туркменистан) в текстах своих конституций четко фиксируют данный институциональный принцип. Поэтому, с точки зрения И.И. Пляхимовича, «было бы логичным включение в перечень характеристик государства в части 1 и суверенитета Республики Беларусь. Эта характеристика должна открывать часть 1 («Республика Беларусь – суверенное ... государство»), ибо она указывает, по сути, на факт государственного бытия, которое логически предшествует сущности и содержанию государства: его демократическому, социальному и правовому характеру. Прямое закрепление суверенитета Беларуси важно и для увенчания сложной, хотя и «многовековой» (Преамбула), истории развития белорусской государственности» [9, с. 103]. Таким образом, налицо несомненный и никем не оспариваемый конституционный принцип, но как таковой в тексте Основного Закона не зафиксированный.

Это же можно сказать и о конституционном принципе «светскости» нашего государства. В некоторых странах (Франция, Россия) термин «светскость» четко сформулирован и представлен принципом Конституции. Текст нашего Основного Закона не воспроизводит термин «светское государство», но данное понятие подразумевается целым рядом статей. Конституция Беларуси закрепляет равенство религий и вероисповеданий, основы статуса религиозных организаций (ст. 16), свободу отношения к религии (ст. 31). Сущностный аспект очевиден. Наше государство является светским, так как, с одной стороны, религия и религиозные организации формально не оказывают влияние на формирование и осуществление государственной власти, а с другой – государство, ограниченное свободой совести и вероисповедания, не вмешивается в сферу духовной жизни индивида. В эту область духовной свободы и частной жизни индивида не вправе вмешиваться ни частные лица, ни государство. Вопрос о преамбуле Закона «О свободе совести и религиозных организациях», где отмечена определяющая роль Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа, заслуживает отдельного рассмотрения в контексте ч. 2 ст. 16 Белорусской Конституции. Многое в понимании проблемы зависит от того, придается ли этой преамбуле нормативный характер либо нет, т.к. ст. 28 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» прямого ответа не содержит.

В рассмотренных случаях «конституционные ценности – в отличие от ценностей Конституции – не имеют прямого текстуального конституционного оформления, не являются формальными, эксплицитными установлениями Основного Закона; их конституционное признание и значение коренится в глубинном содержании и системно-семантических взаимосвязях нормативных положений Конституции. Соответственно, их конституционная значимость требует герменевтического выявления и позитивного оформления в процессе конституционно-контрольной деятельности судебных органов (по крайней мере, на уровне актов официального толкования или истолкования Основного Закона)» [21, с. 168]. Автор приведенной цитаты, – Н.С. Бондарь, – ценностную значимость положений основного закона видит, прежде всего, в системе конституционных принципов, как прямо выраженных в тексте, так и сформулированных в правовых позициях органов конституционного правосудия. В таком случае можно предположить, что конституционные принципы-ценности не только инструментальное средство нормоконтрольной деятельности органов конституционного контроля, но, в определенной мере, результат такой деятельности (о фундаментальных правовых ценностях см. также позицию С.С. Алексеева [22, с. 92], Л.О. Мурашко [23, с. 88]).

При изучении конституционных принципов и принципов конституции следует отличать название принципа от его содержания. Название принципа обычно краткое, например, «принцип равенства граждан». Содержание здесь уже отражено, но сжато, неразвернуто. Как мы убедились, содержание конституционного принципа может быть выражено в кратком утвердительном предложении (о народном суверенитете и его формах) либо раскрыто в совокупности положений (о светском характере государства). Российский автор Л.О. Иванов [24, с. 16] верно подметил, что многие из этих принципов (правового государства, демократии, разделения властей, социального государства, неприкосновенности собственности, высшей ценности человека, его прав и свобод, стремление к обеспечению благополучия и процветания, ответственности за свою Родину перед нынешним и будущим поколениями и другие) только названы в конституциях, но не наполнены ясным нормативным содержанием. Более того, указывал П. В. Логинов, «установление сущностного содержания [правовых принципов] не должно превращаться в их описание» [25, с. 58].

Заключение. Оценивая белорусскую ситуацию, можно утверждать, что важнейшие принципы права нашли свое выражение через конституционные принципы и нормы Конституции, причем большинство принципов-идей формально определено в тексте Основного Закона, что минимизирует возможный разрыв между доктриной и практикой. Но для этого необходимо, чтобы важнейшие конституционные ценности нашли свое безусловное воплощение в реальной жизни, прежде всего – деятельности государственных органов. В противном случае положение ст. 1 Конституции Беларуси о демократическом правовом государстве будет восприниматься субъектами в качестве абстрактного и практически мало-пригодного лозунга. Только конечный результат, убежден О.А. Снежко [26, с. 17], может быть положен в основу утверждения о том, что реформирование государственно-правовой действительности проводится для граждан, а не за их счет.

Таким образом, конституционные принципы в своем концентрированном выражении определяют социальное содержание основного закона, поскольку являются теми руководящими началами, в которых юридически выражены важнейшие ценности конкретного общества и государства. Они имеют самостоятельное значение (наряду с нормами и институтами) и являются важнейшим элементом правового содержания конституции. Еще раз подчеркнем, что нами анализировались не столько нормы-принципы, содержащиеся непосредственно в тексте основного закона, сколько те идеи, которые отражают дух и смысл конституции, вытекают из ее важнейших установок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сравнительное конституционное право : учеб. пособие / отв. ред. В.Е. Чиркин. – М. : Междунар. отношения, 2002. – 448 с.
2. Конституции зарубежных государств // сост. проф. В.В. Маклаков. – 2-е изд., исправ. и доп. – М. : БЕК, 1999. – 584 с.
3. Богданова, Н.А. Система науки конституционного права / Н.А. Богданова. – М. : Юрист, 2001. – 256 с.
4. Общая теория государства и права. Академ. курс : в 3-х т. / отв. ред. проф. М. Н. Марченко. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : ИКД «Зерцало – М», 2001. – Т. 2. – 528 с.
5. Тузмухамедов, Б.Р. Международное право в конституционной юрисдикции : хрестоматия / Б.Р. Тузмухамедов. – М. : Юрист, 2006. – 463 с.
6. Черданцев, А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А.Ф. Черданцев. – Екатеринбург : УИФ «Наука», 1993. – 230 с.
7. Ведяхин, В. М., Ведяхина К.В. Понятие и классификация принципов права / В. М. Ведяхин, К.В. Ведяхина // Право и политика. – 2002. – № 4. – С. 19–28.
8. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для юрид. вузов и факультетов / М.В. Баглай. – М. : НОРМА, 2000. – 776 с.
9. Пляхимович, И.И. Основы конституционного строя: теория института / И.И. Пляхимович. – Минск : Право и экономика, 2008. – 160 с.
10. Зорькин, В.Д. Современный мир, право и Конституция / В.Д. Зорькин. – М. : Норма, 2010. – 544 с.
11. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. – М. : Юрид. лит-ра, 2005. – 576 с.
12. Бержель, Ж.Л. Общая теория права / Ж.Л. Бержель ; под общ. ред. В.И. Даниленко ; пер. с фр. Г.В. Чуршкова. – М. : Издат. дом NOTA BENE. – 2000. – 576 с.
13. Зыбайло, А.И. Соотношение международного и внутригосударственного права / А.И. Зыбайло ; Бел. гос. экон. ун-т. – Минск : Право и экономика, 2007. – 175 с.
14. Талалаев, А.Н. Два вопроса международного права в связи с Конституцией РФ / А.Н. Талалаев // Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 64–70.
15. Талалаев, А.Н. Конституционный Суд и международные договоры России / А.Н. Талалаев // Государство и право. – 1996. – № 3. – С. 118–123.
16. Талалаев, А.Н. Общепризнанные принципы и нормы международного права (конституционное закрепление термина) / А.Н. Талалаев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 1997. – № 3. – С. 66–74.
17. Толстик, В. А. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России / В. А. Толстик // Журн. рос. права. – 1999. – № 9. – С. 67–77.
18. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – М. : Междунар. отношения, 1996. – 400 с.
19. Власов, В.И. Философия правосудия в диалогах / В.И. Власов. – М. : Изд-во РАГС, 2010. – 336 с.
20. Медушевский, А.Н. Кельзеновская модель конституционного правосудия и изменение конституций в странах Восточной Европы / А.Н. Медушевский // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах : сб. докл. / Центр конституционных исследований МОНФ. – М., 1999. – С. 13–41.
21. Бондарь, Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. – М. : Норма; ИНФРА-М, 2011. – 544 с.
22. Алексеев, С.С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность. – М. : НОРМА, 2001. – 176 с.
23. Мурашко, Л.О. Правообразование в аксиологическом контексте / Л.О. Мурашко. – Минск : Право и экономика, 2012. – 280 с.
24. Иванов, Л.О. О соотношении философского анализа права и конституционного нормоконтроля / Л.О. Иванов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – № 5. – С. 10–18.
25. Логинов, П.В. О понятии принципов гражданского процессуального права / П.В. Логинов // Вестн. МГУ. Сер. 11, Право. – 1985. – № 3. – С. 58–63.
26. Снежко, О.А. Правовая природа конституционных ценностей современной России / О.А. Снежко // Сравнительное конституционное обозрение. – 2005. – № 2 (51). – С. 13–19.